

Глава 2

Вдали Шэнь Чжуан, который до этого сидел на корточках, увидел, как Шэнь Цин встал. Решив, что тот идёт бить его, он инстинктивно отступил на два шага и был готов пуститься наутёк. Но, заметив, что Шэнь Цин направляется не к нему, а к дому, он тут же приободрился. Подобрал с земли небольшой камешек, он швырнул его в спину Шэнь Цину.

«Эй, тупица! Дед сказал, что в дом заходить нельзя. Ты что, лезешь туда, чтобы тебя отругали?»

Шэнь Цин без труда увернулся от камня и не удостоил его даже взглядом. Сжимая в одной руке топорик, он приподнял полог и шагнул в дом.

Шэнь Чжигао всё ещё разговаривал с братьями Мяо. Почувствовав, что хватка на его воротнике ослабла, он окончательно убедился в правильности своей задумки.

В его глазах Мяо Ши уже давно не стоила и ломаного гроша — она не могла дать ему продолжение рода. Но лишние рабочие руки в хозяйстве никогда не бывают лишними. Мяо Ши была расторопной, аккуратной и держала дом в образцовой чистоте. Даже простую деревенскую еду она готовила куда вкуснее матери Шэнь. И стряпня фулана Шэнь Чживэя (младшего брата) тоже не могла сравниться с Мяо Ши.

Мать старела, а Ли Цзяофэн, теперь беременная, не могла выполнять тяжёлую работу. После родов ей потребуется отдых, да и младший брат, женившийся на фулане, не сможет ухаживать за ней как следует. Что же, позволить престарелой матери прислуживать Ли Цзяофэн во время послеродового периода?

Оставить Мяо Ши в доме — всего лишь добавить к столу лишнюю пару палочек и плеснуть в котёл ещё один черпак воды. Она займётся хозяйством и будет прислуживать семье. Ли Цзяофэн и его драгоценный сын будут жить получше.

Чем больше он об этом думал, тем разумнее всё казалось. Шэнь Чжигао повернулся к Мяо Ши и сказал: «Вижу, ты и вправду не хочешь уходить из нашей семьи — даже братьев своих привела, чтобы устроить скандал. Но раз ты не можешь дать роду Шэнь наследника, ты недостойна быть главной женой.

С этого дня Цзяофэн станет главной женой, а ты — второй. Если согласишься, наша семья Шэнь позволит тебе остаться. В будущем, когда умрёшь, тебе даже разрешат быть похороненной на нашем родовом кладбище».

Эти слова были настолько бесстыдными, что даже староста деревни Чжао Юдан онемел от изумления. Он что, и вправду это сказал? Совсем с ума сошёл? Он бросил взгляд на братьев Мяо — оба уже засучивали рукава, явно готовые пустить в ход кулаки.

Шэнь Чжигао же был весьма доволен собой, полагая, что придумал решение, выгодное всем. Но в тот миг, когда он упивался собственной находчивостью, перед ним внезапно с грохотом опустился топорик, яростно вонзившись в стол. Лезвие ушло в дерево больше чем на дюйм, раздался резкий треск, от которого по спине пробежал холод. Лицо Шэнь Чжигао мгновенно побледнело.

Подняв глаза, он увидел виновника. Это был не кто иной, как его собственный сын Шэнь Цин, печально известный в деревне своей свирепостью гер. Рука Шэнь Цина всё ещё сжимала рукоять топорика, а сам он не собирался отступать.

По правде говоря, Шэнь Чжигао всегда немного побаивался этого сына. Пока Шэнь Цин был ребёнком, с ним ещё можно было справиться. Но чем старше он становился, тем более грозным выглядел. Когда Шэнь Цину исполнилось четырнадцать или пятнадцать, стоило Шэнь Чжигао лишь замахнуться на Мяо Ши, как тот смотрел на него, словно дикий зверь, с убийственным блеском в глазах. Одного такого взгляда хватало, чтобы Шэнь Чжигао отступал.

С возрастом Шэнь Цин становился всё выше и сильнее — теперь он был крупнее собственного отца. Одного взмаха его руки, вероятно, хватило бы, чтобы повалить Шэнь Чжигао на землю. Как бы ни кипела в нём злость, он больше не осмеливался применять силу дома. Но выход накопившемуся раздражению всё же был нужен, и потому он часто слонялся по деревне, выискивая другие способы дать ему волю.

Примерно в то же время на Шэнь Чжигао обратила внимание вдова Ли. Семья Шэнь показалась ей небогатой, но стабильной, и она разглядела в этом шанс для себя. Со временем между ними завязалась связь.

Поначалу Шэнь Чжигао вовсе не собирался разводиться с Мяо Ши. Он всё ещё опасался Шэнь Цина и двух братьев Мяо. Но затем вдова Ли забеременела от него. И всё изменилось.

Отсутствие наследника всегда было для Шэнь Чжигао глубокой, застарелой болью. А теперь, когда вдова Ли без конца нашёптывала ему на ухо: «Что ты за отец такой, если хочешь бросить собственного сына?» — его страхи постепенно рассеялись.

Но стоило ему перевести взгляд с топорика, вонзившегося в стол, на бесстрастное лицо сына, как все прежние опасения разом нахлынули обратно. Он чуть втянул шею, украдкой взглянул на Шэнь Цина и, с усилием заставив себя заговорить, выдавил ослабленным голосом: «Ты что, собрался зарубить собственного отца?»

Лицо Шэнь Цина было мрачным, словно грозное небо, холодным до такой степени, что, казалось, с него можно было выжать воду. В его голосе звенел пронизывающий до костей холод. Он даже не посмотрел на Шэнь Чжигао, а лишь повернулся к старосте деревни и промолвил: «Староста, мне есть что сказать».

Шэнь Цин был высоким, крепко сложенным, внушительным. Стоя в дверях, на фоне света, с топориком в руке, он излучал тихое, но неоспоримое давление.

Даже староста Чжао Юдан ощутил, как в сердце невольно шевельнулся холодок. Он ещё не успел ответить, как дед Шэнь Цина тут же взорвался, усы его вздыбились от ярости: «Это дело взрослых! С каких это пор детям позволено вмешиваться? Ты смеешь лезть в дела отца?! Вон отсюда!»

В отличие от Шэнь Чжигао, старик Шэнь несколько не боялся Шэнь Цина. Как глава семьи, он никогда не считал нужным с ним считаться. В конце концов, как свёкор, он не мог открыто поднимать руку на невестку, а поскольку он редко находился с Мяо Ши в одном помещении, у Шэнь Цина никогда не было повода с ним столкнуться.

В его глазах Шэнь Цин был всего лишь упрямым, неуправляемым гером — таким, которого следует проучить.

Поначалу староста Чжао придерживался того же мнения. Ему не нравилось, когда женщины или геры вмешивались в обсуждение серьёзных дел. Тем более, молодёжь. В конце концов, какое право имеет сын вмешиваться в брак своих родителей? Это было совершенно неподобающим.

Но когда его взгляд упал на топорик в руке Шэнь Цина и он вспомнил о его грозной репутации в деревне, в душе старосты мелькнуло беспокойство.

Есть старая поговорка: «Смелый боится безрассудного, а безрассудный — того, кому нечего терять».

Поступки Шэнь Чжигао фактически загнали Мяо Ши в тупик. А когда мать мужчины оказывается прижатой к стене, он не станет просто сидеть и смотреть, если в нём есть хоть капля сыновней почтительности.

Лучше дать ему высказаться, чем рисковать тем, что он сорвётся прямо здесь, на глазах у всех.

Подумав так, староста Чжао слегка сменил позу, чуть отодвинувшись назад. Его выражение смягчилось, и он сказал: «Гер Цин — единственный ребёнок Чжигао и его жены. Справедливо, если у него будет право голоса в этом деле».

Старик Шэнь явно не ожидал такого. Его лицо помрачнело, в нём читалось недовольство, но в итоге он не стал спорить со старостой. Он лишь бросил на Шэнь Цина предупреждающий взгляд.

Шэнь Цин же полностью его проигнорировал. Он повернулся к Чжао Юдану и сказал: «Я согласен на развод моих родителей».

В комнате воцарилась оглушительная тишина.

Мяо Ши была настолько потрясена, что платок, которым она вытирала слёзы, выскользнул у неё из рук и упал на пол. Её братья, Мяо Син и Мяо Ван, тоже застыли, словно окаменев.

Они пришли сюда, полностью готовые отстаивать права сестры. Как братья, они были обязаны за неё вступить. Но ещё перед выходом из дома родня не раз подчёркивала: что бы ни случилось, они не могут забрать Мяо Ши обратно.

Дело было не только в гордости — возвращение разведённой сестры в родительский дом стало бы позором. Это серьёзно осложнило бы брачные перспективы младших. И, что ещё важнее, их семье и без того было тяжело прокормить всех. У них были собственные дети, и они просто не могли позволить себе содержать ещё одного взрослого, которому нужны еда, одежда и кров.

Перед уходом братья пообещали: «Мы будем за неё бороться, будем спорить, даже денег добавим, если понадобится, но забрать её домой — НЕ СМОЖЕМ».

Именно поэтому сегодня они привели с собой так много людей из деревни Шицю. Они рассчитывали на силу, на мораль и на закон, чтобы надавить на семью Шэнь и заставить их отступить. Их целью было предоставить Мяо Ши возможность остаться в доме Шэнь с достоинством, а не увести её прочь.

В их глазах оставить её в семье Шэнь, где у неё хотя бы сохранялось какое-то положение, было куда лучше, чем выдать её замуж за какого-нибудь старого холостяка или вдовца.

Но теперь Шэнь Цин открыто заявил, что поддерживает развод.

И что ещё хуже, он добавил: «Если отец и мать разведутся, ей не нужно будет возвращаться в деревню Шицю вместе с дядями. Я уйду с ней. Я сам буду о ней заботиться. С этого дня мы больше не имеем ничего общего с семьёй Шэнь».

Мяо Ши остолбенела.

Мяо Син и Мяо Ван потеряли дар речи.

В деревнях разводы и раздельное проживание случались редко, но всё же такое бывало. Однако ещё никогда не было, чтобы ребёнок по собственной воле покидал отцовский дом и уходил вслед за матерью.

Даже если женщина разводилась или становилась вдовой и собиралась снова выйти замуж, дети неизменно оставались в семье отца. Таковы были правила.

А теперь Шэнь Цин заявил не только о том, что уйдёт вместе с Мяо Ши, но и о том, что полностью порвёт отношения с семьёй Шэнь!

Неужели он действительно собирался выйти из рода Шэнь?

Люди из деревни Шицю переглянулись.

Мяо Син и Мяо Ван, поразмыслив, неожиданно почувствовали облегчение. Если Шэнь Цин и Мяо Ши вернутся жить к ним, тогда, возможно, исход будет не таким уж плохим.

К тому же гер Цин был известен своей поразительной работоспособностью и умением выживать.

Пока братья Мяо погружались в размышления, Шэнь Чжигао наконец пришёл в себя. Он взревел от ярости: «Ты неблагодарный ублюдок! Что значит «ничего общего с семьёй Шэнь»? Ты хочешь разорвать отношения с родным отцом?!»

В эту эпоху только родители имели право отказаться от детей, но никак не наоборот. Если об этом пойдут слухи, соседи станут сплетничать за спиной. А ещё хуже — если родители приведут ребёнка в управу и обвинят его в непочтительности, чиновники могут вменить ему преступление, за которое полагалась ссылка.

Шэнь Цин наконец посмотрел на Шэнь Чжигао. Его голос был холодным и твёрдым: «В чём моя непочтительность? Ты хочешь развестись с моей матерью и жениться на вдове Ли, чтобы завести сына. Если бы мои дяди захотели, они могли бы подать на тебя в суд за прелюбодеяние — я всё слышал. Ты бы отправился в ссылку. А теперь я уговариваю мать и дядей согласиться на развод, чтобы ты получил желаемое и избежал ссылки. Если это не сыновний долг, то что тогда он?»

Люди в комнате на мгновение оцепенели от такой логики. Даже Шэнь Чжигао растерялся, не найдя слов для возражения. Его ярость лишь усилилась: «Ты мне угрожаешь? Ты смеешь говорить о том, чтобы тащить меня в суд?!»

Шэнь Цин продолжил: «Во мне течёт кровь и отца, и матери. Но мать носила меня под сердцем девять месяцев и страдала, рожая меня. Согласившись на развод, я уже исполнил свой долг перед тобой как сын. После этого я обязан исполнить долг перед матерью, а значит, уйти с ней и заботиться о ней с этого дня».

Мяо Ши уже рыдала, не в силах сдержаться. Всю жизнь она сомневалась и не умела принимать решения, но в этот миг наконец сделала выбор для себя. Она бросилась к Шэнь Цину и, захлёбываясь слезами, закричала: «Я согласна на развод! Если я могу забрать с собой гера Цина, я уйду и уступлю место этой хитрой лисе!»

Она держалась до последнего лишь потому, что переживала за Шэнь Цина. Она была никчёмной матерью, всегда нуждавшейся в защите сына, но если бы она ушла — как она могла бы оставить его одного в этом доме? Даже умерев, она не смогла бы обрести покой.

Но теперь, если они смогут быть вместе, пусть даже голодать и страдать на стороне, по крайней мере, они будут рядом друг с другом.

Однако, хотя Мяо Ши была готова уйти, семья Шэнь вовсе не собиралась так просто их отпускать.

Отпустить Мяо Ши — это одно. Но Шэнь Цину уже исполнилось восемнадцать, почти девятнадцать лет. В этом возрасте большинство геров уже были обручены. Единственной причиной, по которой Шэнь Цин до сих пор не был замужем, было то, что он совершенно не соответствовал образу гера — не был ни хрупким, ни мягким, а напротив, был высоким, сильным и свирепым.

С тех пор как Шэнь Цину исполнилось пятнадцать, старик Шэнь больше не выходил в поле. Уже несколько лет основную тяжесть работ тянул на себе Шэнь Цин, и урожаи даже увеличились благодаря этому.

Шэнь Цин находился в самом расцвете трудоспособного возраста. У семьи Шэнь было много земли, и терять такого работника они не желали.

Старая госпожа Шэнь уже всё распланировала. Она собиралась заставить Шэнь Цина работать в поле до двадцати четырёх или двадцати пяти лет. К тому времени Шэнь Чжуан подрастёт и сможет взять на себя полевые работы. А затем Шэнь Цина можно будет выдать замуж в какую-нибудь глухую горную деревню, где люди настолько отчаянно ищут геров, что им будет всё равно на его внешность, возраст и характер. Так можно будет ещё и выторговать побольше выкупа.

План был безупречен. Зачем же отпускать его сейчас? Если Шэнь Цин уйдёт, кто будет работать в поле? Шэнь Чжуан ещё слишком мал. А ни её драгоценному внуку, ни мужу не хочется изнурять себя тяжёлым трудом.

Лицо Шэнь Чжигао налилось багровым цветом от злости, и он пробормотал: «Я вовсе не говорил, что обязательно должен разводиться с твоей матерью. Если она согласится стать второй женой, а Цзяофэн будет главной, семья Шэнь всё равно будет её содержать. Ах ты мелкий ублюдок, да у тебя хватает наглости...»

Он не успел договорить. Мяо Ван больше не мог это терпеть. С громким ругательством он вскочил и со всей силы ударил Шэнь Чжигао кулаком прямо в лицо.

«Бессовестная тварь! Ты думаешь, моя сестра должна быть твоей наложницей?! Посмотри на свою мерзкую рожу — да ты вообще хоть на одну женщину годишься?!»